

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-3-28-37

УДК 336.71(045)

JEL E5

Оценка устойчивости российского банковского сектора в условиях макроэкономической волатильности*

И.И. Беляев^а, С.Н. Сильвестров^б, Т.С. Гаиров^с

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-2843-9683>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7678-1283>;^с <https://orcid.org/0000-0002-5489-835X>

АННОТАЦИЯ

В последние годы одной из основных особенностей развития мировой, в частности российской экономики стала макроэкономическая волатильность и нестабильность, требующая от государства и финансовых институтов гибких подходов регулирования и оперативного реагирования на кризисные явления. Новая нормальность и новые вызовы, возникающие вследствие нее перед российской экономикой, создают для банков необходимость поддержания высокого уровня качества активов и приемлемого уровня достаточности капитала. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что внедрение банковской системой стандартов БКБН и МСФО 9 привело к ожидаемому сокращению капитальной базы российских банков. При этом российский банковский сектор демонстрирует неоднородные темпы роста совокупных активов, а также стабильный рост собственного капитала. Несмотря на воздействие COVID-19 на мировую и российскую экономику, оценка авторами устойчивости российского банковского сектора показала, что на конец 2020 г. финансовое положение российского банковского сектора можно характеризовать как устойчивое.

Ключевые слова: банковский сектор; устойчивость; макроэкономическая волатильность; достаточность капитала; абсорбция убытков; корпоративный кредитный портфель; розничный кредитный портфель

Для цитирования: Беляев И.И., Сильвестров С.Н., Гаиров Т.С. Оценка устойчивости российского банковского сектора в условиях макроэкономической волатильности. *Мир новой экономики*. 2021;15(3):28-37. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-3-28-37

ORIGINAL PAPER

Assessment of the Stability of the Russian Banking Sector in the Context of Macroeconomic Volatility**

I.I. Belyaev^а, S.N. Silvestrov^б, T.S. Gaibov^с

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-2843-9683>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7678-1283>;^с <https://orcid.org/0000-0002-5489-835X>

ABSTRACT

In recent years, one of the main features of the development of the world and, in particular, the Russian economy has become macroeconomic volatility and instability, which requires flexible approaches from the state and financial institutions to regulate and promptly respond to crisis phenomena. The new normalcy and the resulting new challenges for the Russian economy create the need for banks to maintain a high level of asset quality and an acceptable level of capital adequacy. The analysis made it possible to conclude that the introduction of the BCBS standards and IFRS 9 by the banking system led to the expected reduction in the capital base of Russian banks. At the same time, the Russian

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2021.

banking sector also demonstrates heterogeneous growth rates of total assets and stable growth of equity capital. Despite the impact of COVID-19 on the global and Russian economies, the authors' assessment of the stability of the Russian banking sector showed that at the end of 2020, the financial position of the Russian banking sector could be characterized as stable.

Keywords: banking sector; stability; macroeconomic volatility; capital adequacy; absorption of losses; corporate loan portfolio; retail loan portfolio

For citation: Belyaev I.I., Silvestrov S.N., Gaibov T.S. Assessment of the stability of the Russian banking sector in the context of macroeconomic volatility. *Mir novoi ekonomiki = The World of New Economy*. 2021;15(3):28-37. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-3-28-37

За последние два десятилетия отечественная экономика пережила немало событий, носящих стрессовый и кризисный характер. Так, 2008 г. ознаменовался мировым финансовым кризисом, который отразился на падении ВВП Российской Федерации на 6% и первыми случаями санации банков¹. В 2013 г., со сменой руководства Банка России, начался массовый отзыв лицензий на осуществление банковской деятельности. К маю 2021 г. это привело к снижению количества действующих кредитных организаций более чем в 2 раза. В 2014 г. Европейский союз и США ввели секторальные санкции в отношении ведущих, прежде всего государственных, банков, что существенно снизило возможности банковского сектора по привлечению иностранного фондирования. Кроме того, произошедшая впоследствии девальвация рубля также ослабила позиции российской экономики на мировом рынке капитала. На прошедший 2020 г. пришлась пандемия COVID-19, для борьбы с которой были введены ограничения на передвижение граждан и функционирование бизнеса. Для смягчения воздействия вируса на экономику Правительством Российской Федерации и Банком России были приняты программы льготного кредитования и послабления банкам в части признания и реструктуризации проблемных кредитов [1–4].

Следует отметить, что исторически российский банковский сектор демонстрирует неоднородные темпы роста совокупных активов (*рис. 1*). Если проследить динамику активов в связке с динамикой изменения курса рубля к доллару США, то наиболее стабильный период роста сектора наблюдался с 2010 по 2013 г., когда темпы прироста сектора составляли 18,3–18,8% в год.

После кризиса 2008 г. восстановление банковского сектора происходило крайне медленно, и по ито-

гам 2009 г. темпы прироста совокупных активов не превышали 1,6%. В 2014 г., после введения санкций², последовала девальвация рубля (курс доллара вырос почти в 1,7 раза), и рост банковского сектора стал носить более ограниченный характер (4,8–6,1% в год).

События кризиса 2008 г. показали необходимость пересмотра действующих на тот момент стандартов Базель I и Базель II, в результате чего в сентябре 2010 г. Базельским комитетом по банковскому надзору (далее — БКБН) были представлены требования Базель III³ [5]. Особенностью внедрения стандартов БКБН в российскую практику стало одномоментное внедрение всех стандартов (Базель I, Базель II и Базель III), тогда как европейские банки к тому времени внедряли стандарты в течение 10 лет [3, 6].

С 2012 г. началось внедрение стандартов Базель I и Базель II в части подходов к расчету достаточности капитала: была обновлена методика расчета совокупного (собственного) капитала банков⁴, введены новые требования к расчету рыночного⁵ и кредитного рисков^{6,7}. Помимо стандартизированного подхода к расчету кредитного риска (на основе фиксированных

² Гражданам стран ЕС и европейским компаниям запрещалось совершать операции с ценными бумагами Сбербанка, ВТБ, ГПБ, ВЭБа, Россельхозбанка и их дочерними организациями сроком обращения свыше 30 дней. Резидентам США запретили выделять ранее обозначенным банкам и связанными с ними юридическим лицам кредиты срочностью свыше 90 дней.

³ Basel Committee on Banking Supervision. Basel III transitional arrangements, 2017–2028. URL: https://www.bis.org/bcbs/basel3/b3_trans_arr_1728.pdf.

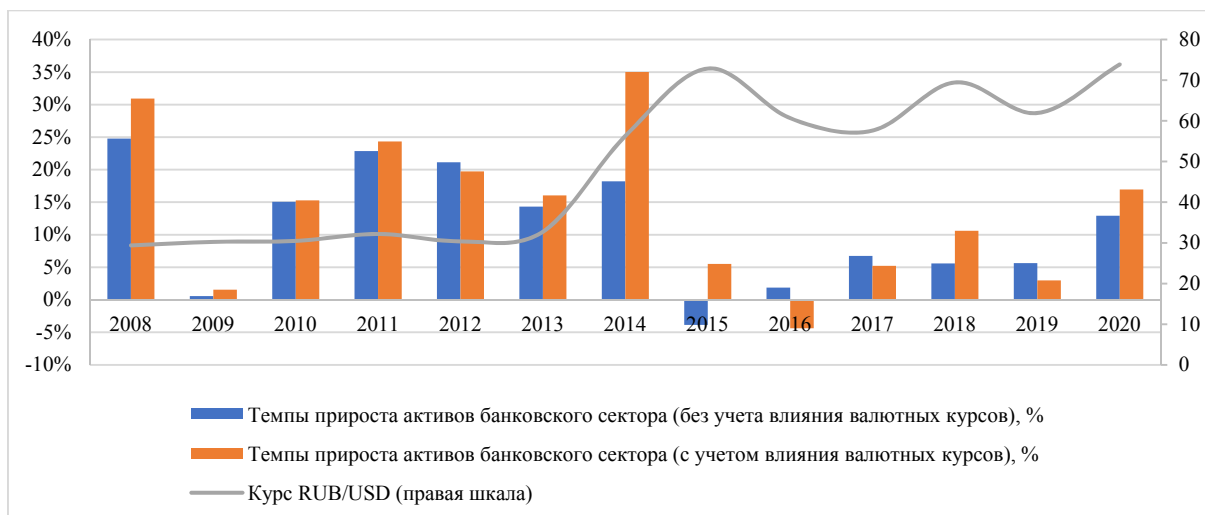
⁴ На основании положения Банка России от 28.12.2012 № 395-П «О методике определения величины и оценке достаточности собственных средств (капитала) кредитных организаций («Базель III»)». В настоящее время документ утратил силу.

⁵ На основании положения Банка России от 28.09.2021 № 387-П «О порядке расчета кредитными организациями величины рыночного риска».

⁶ На основании инструкции Банка России от 03.12.2012 № 139-И «Об обязательных нормативах банков».

⁷ Basel Committee on Banking Supervision. Basel II: International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards. URL: http://www.bis.org/publ/bcBS_128.PDF.

¹ В сентябре 2008 г. АО «Коммерческий банк «Глобэкс» и ПАО АКБ «Связь-Банк» столкнулись с проблемами на фоне оттока фондирования и обвала фондового рынка из-за чего Внешэкономбанку пришлось начать процедуру их финансового оздоровления.

Рис. 1 / Fig. 1. Темпы прироста банковского сектора РФ и динамика курса рубля к доллару США за период с 2008 по 2020 г. / Growth rates of the banking sector in the Russian Federation and dynamics of the ruble/US dollar exchange rate for the period from 2008 to 2020

Источник / Source: данные Банка России, составлено авторами / Data of the Bank of Russia, compiled by the authors.

риск-весов для каждой группы активов) Банк России начал процесс подготовки к переходу на IRB-подход, позволяющий банкам самостоятельно, на основе статистически обоснованных моделей, определять уровень риска заемщиков для расчета нормативов достаточности капитала. При этом требования к нормативам достаточности капитала были жестче, чем это было определено требованиями БКБН. Было предложено, чтобы норматив достаточности базового капитала составлял 5% вместо 4,5%, а норматив достаточности совокупного капитала — 10% вместо 8% (с 1 января 2016 г. Банк России изменил требования и синхронизировал их со стандартами БКБН). Требования Базель III в части расчета левериджа, показателя краткосрочной ликвидности, показателя чистого стабильного фондирования, а также применения надбавок к нормативам достаточности капитала (контрциклический буфер и буфер консервации капитала) были полноценно внедрены в регуляторную практику с начала 2019 г.

При этом начиная с 2014 г., несмотря на общую тенденцию к снижению инфляции и процентных ставок, соотношение совокупных активов банковского сектора к ВВП впервые превысило 80% и по итогам 2020 г. достигло рекордных 97% (рис. 2).

В 2021 г. динамика процентных ставок в экономике изменилась. На фоне постпандемического восстановления экономики возросла инфляция и инфляционные ожидания. Так, из-за высоких инфляционных ожиданий (в июле 2021 г. инфляция в годовом выражении превысила 6%) Банк России последовательно повысил ключевую ставку с 4,25% в начале года до

5,5% 11 июня 2021 г., а 23 июля принял решение увеличить ее до 6,5%.

С 2015 г., когда впервые с окончания финансового кризиса 2008 г. было зафиксировано сокращение объема кредитного портфеля на 0,2%, банковский сектор демонстрирует активный рост кредитного портфеля (рис. 3). При этом основным драйвером роста совокупного кредитного портфеля (12,1% в 2020 г.) являлся и является рост розничного, а не корпоративного кредитного портфеля (13,6% в 2020 г.), что также подтверждается выводами рейтингового агентства АКРА⁸. При этом динамика розничного кредитования объясняется тремя факторами:

1. Снижение реальных располагаемых денежных доходов.
2. Снижение стоимости кредитов вслед за снижением ключевой ставки.
3. Эффект низкой базы, так как объемы розничного кредитования в РФ в 1,7 раза ниже объемов корпоративных кредитов.

Повышенный спрос в сегменте розничного кредитования провоцирует банки к росту аппетита, о чем свидетельствует постоянный рост стоимости риска (Cost of Risk⁹), который, по

⁸ Российский банковский сектор: прогноз до 2020 года. Слабый спрос на кредиты стимулирует аппетит российских банков к риску. URL: <https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/850/61eqni56jhoomg03tpjv417gqrv2uqv.pdf>.

⁹ Показатель Cost of Risk (CoR) рассчитывается как отношение созданных резервов по отчету о прибылях и убытках к среднему за период кредитному портфелю до вычета резервов.

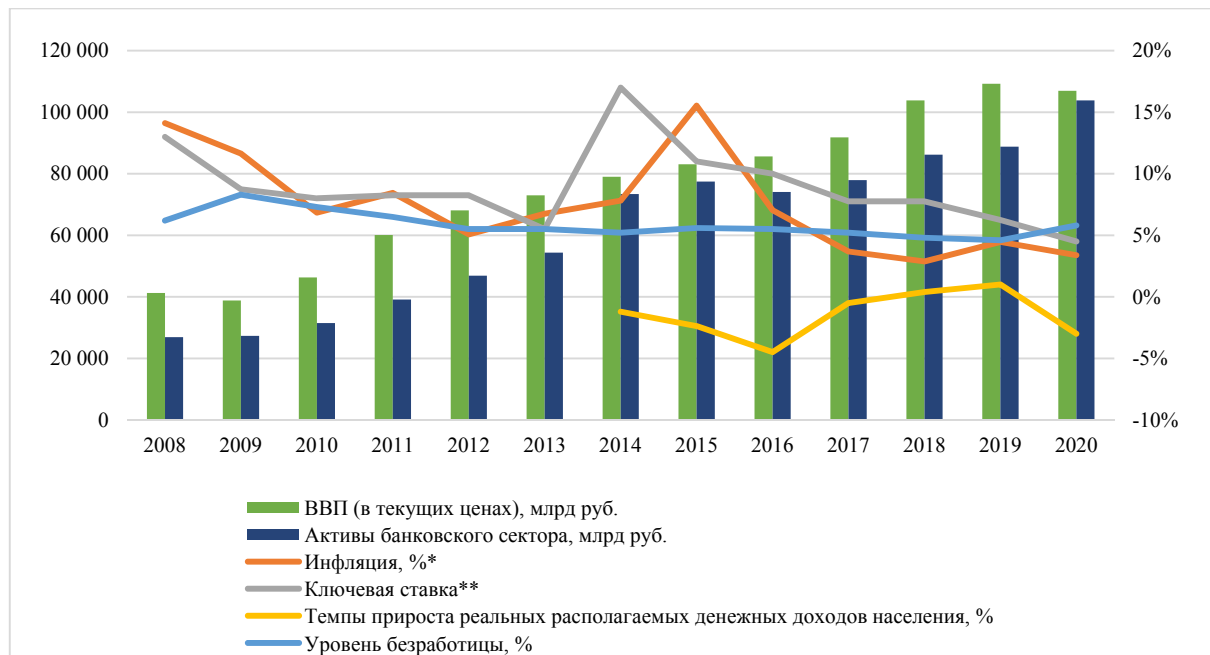

Рис. 2 / Fig 2. Общая динамика активов банковского сектора и макропоказателей за период с 2008 по 2020 г. / Overall dynamics of banking sector assets and macro indicators for the period from 2008 to 2020

Источник / Source: данные Банка России, составлено авторами / Data of the Bank of Russia, compiled by the authors.

Примечание / Note: * – по данным Всемирного Банка; ** – до 2012 г. включительно приведена ставка рефинансирования / * – according to the World Bank; ** – up to 2012 inclusive, the refinancing rate is given.

итогах 2020 г., составил 2,2%. По итогам 2021 г., рейтинговые агентства ожидают рост стоимости риска до уровня 1,5–1,7% (НКР) или 2,8% (АКРА) [7, 8].

Принимая во внимание постепенное снятие послаблений, введенных в 2020 г. из-за COVID-19, прогнозы АКРА на уровне 2,8% представляются вполне реалистичными.

Одним из кризисогенных факторов развития розничного кредитования, помимо ипотеки, является необеспеченное потребительское кредитование. Так, по данным Банка России, объем необеспеченного потребительского кредитования в 2020 г. превысил 9 трлн руб., что составляет почти 47% розничного кредитного портфеля.

В целях сохранения качества кредитного портфеля, а также охлаждения рынка Банк России постепенно повышает риск-надбавки по розничным кредитам, а с 1 октября 2019 г. ввел показатель долговой нагрузки заемщиков, который призван ограничить объемы кредитования заемщиков с высоким уровнем долга и, следовательно, высоким кредитным риском¹⁰.

¹⁰ Банк России. Показатель долговой нагрузки. URL: <http://www.cbr.ru/finstab/instruments/pti/>.

С точки зрения качества кредитного портфеля отмечается небольшое снижение доли просроченных кредитов после 2015 г. (доля просроченных кредитов на фоне роста курса доллара и введения санкций возросла до 7,4% от совокупного кредитного портфеля) до 6–6,5% в последующие годы. Сохранение уровня просроченной задолженности в 2020 г. на уровне 6,4% обусловлено введением мер поддержки бизнеса и граждан в условиях пандемии COVID-19. Вместе с тем Банк России, аналитики, рейтинговые агентства ожидают в 2021 г. увеличения роста резервирования и просрочки по кредитам, в отношении которых банки в 2020 г. воспользовались послаблениями.

В целом, несмотря на все внешние шоки, происходившие за анализируемый период, смену походок к расчету величины капитала и внедрение стандарта МСФО 9, банковский сектор демонстрирует стабильный рост собственного капитала (рис. 4).

С 2018 г. банки стали переходить на стандарт учета МСФО 9 «Финансовые инструменты», который изменил подход к оценке обесценения ссудной задолженности. Особенности стандарта МСФО 9 являются два аспекта. Первый аспект предполагает выделение трех категорий активов:

- активы, оцениваемые по справедливой стоимости через прибыль или убыток;

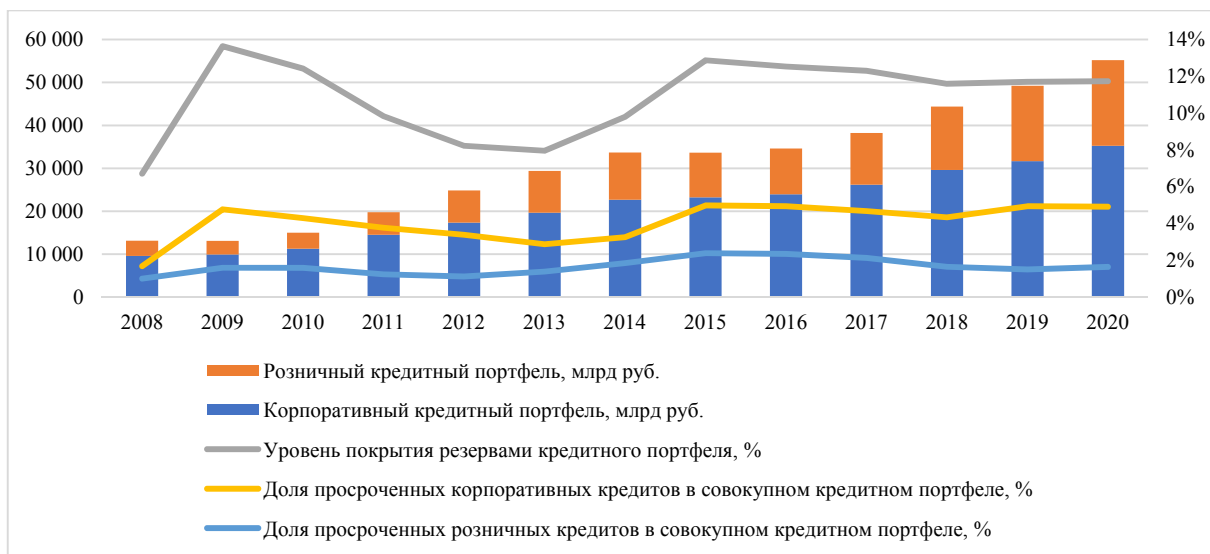

Рис. 3 / Fig. 3. Структура кредитного портфеля и доля просроченных кредитов за период с 2008 по 2020 г. / Loan portfolio structure and share of overdue loans for the period from 2008 to 2020

Источник / Source: данные Банка России, составлено авторами / Data of the Bank of Russia, compiled by the authors.

- активы, оцениваемые по справедливой стоимости через прочий совокупный доход;
- активы, оцениваемые по амортизированной стоимости.

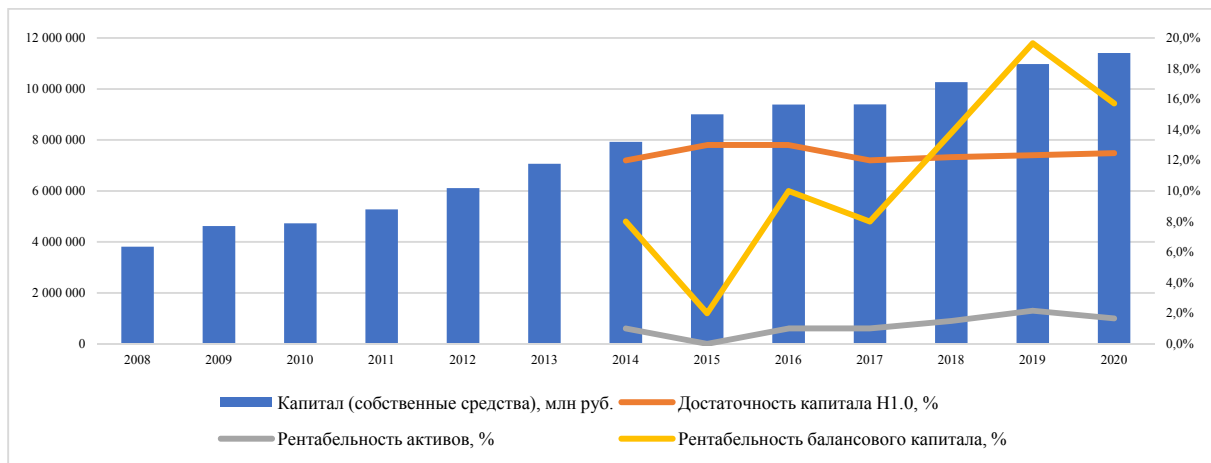
Второй аспект вводит модель оценки обесценения финансовых активов на основе ожидаемых кредитных убытков вместо ранее применяемой модели понесенных кредитных убытков. Переход на новые стандарты в целом будет способствовать стабильности банковского сектора за счет превентивного признания потенциальных убытков, но, вместе с тем, даже по мнению Банка России, стандарт МСФО 9 определяет базовые критерии к классификации активов и оценке ожидаемых убытков, когда определение конкретных параметров моделирования остается полностью на усмотрении конкретного банка [9]. Первые полноценные итоги внедрения данного стандарта были отражены в отчетности банков по МСФО по итогам 2018 г. Так, внедрение преимущественно привело к снижению капитала банков (например, у ВТБ – 124, млрд руб., или –8% капитала, у Россельхозбанка – 83,2 млрд руб., или 55% капитала, у Сбербанка – 69,5 млрд руб., или –2% капитала, у ППБ – 26,1 млрд руб., или –4% капитала), хотя были банки, которые, наоборот, смогли высвободить дополнительный капитал (например, Альфа-Банк высвободил порядка 37,5 млрд руб.).

При этом заметное влияние на капитал от внедрения стандарта МСФО 9 почувствовали банки, преимущественно работающие в сегменте розничного кредитования, ввиду того, что уровень дефолтов среди заемщиков в этом сегменте традиционно

высокий. Например, наибольшее влияние на капитал испытали Тинькофф Банк (9,8 млрд руб., или –15% капитала), Почта Банк (–6,3 млрд руб., или –20% капитала), Восточный Банк (–5,4 млрд руб., или –23% капитала), Банк Русский Стандарт (–2,8 млрд руб., или –13% капитала) и МТС Банк (–2,5 млрд руб., или –3% капитала).

С начала 2019 г. стандарты МСФО 9 были имплементированы в российские стандарты учета (РСБУ), в результате чего, по итогам 2019 и 2020 гг., банковский сектор создал дополнительные 486 млрд руб. (8,6% от совокупных резервов по кредитному портфелю) и 395 млрд руб. (6,1% от совокупных резервов по кредитному портфелю) резервов соответственно. В целом тенденция к снижению капитала банков при переходе на модель отражения ожидаемых убытков свидетельствует о повышенных рисках кредитования в России, а также наличии существенного объема потенциально проблемных активов на балансе банков.

Несмотря на средний темп прироста собственного капитала на 10% в год, достаточность собственного капитала (Н1.0) стабильно остается на уровне 12%, что объясняется утилизацией капитала из-за роста активов в совокупности с повышением риск-весов на конкретные группы активов (например, розничное кредитование) (рис. 4). Теоретически при подобных вводных способность банковского сектора к абсорбции потенциальных потерь должна снижаться или в лучшем случае остаться неизменной. Однако синхронизация регуляторных требований Банка России

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика совокупного капитала банковского сектора, рентабельности и достаточности совокупного капитала / Dynamics of the total capital of the banking sector, profitability and total capital adequacy

Источник / Source: данные Банка России, составлено авторами / Data of the Bank of Russia, compiled by the authors.

с требованиями БКБН в части нормативов достаточности капитала позволила увеличить буфер абсорбции потенциальных убытков банковского сектора в 1,5–2 раза (табл. 1).

При этом снижение минимальных требований к нормативу достаточности собственного капитала на 2% позволило удвоить способность банковского сектора к поглощению убытков по кредитному портфелю.

Исторически рейтинговые агентства оценивали ликвидность и фондирование российского банковского сектора достаточно сдержанно. В своей ежегодной оценке уровня отраслевых и страновых рисков банковского сектора (Banking Industry Country Risk Assessment — BICRA) Международное рейтинговое агентство Standard & Poor's Global Ratings выразило однозначное мнение о том, что «фондирование банковского сектора сопряжено с «высокими рисками» (до 2019 г. «очень высокими рисками»», ссылаясь на «значительный объем внутренних депозитов (на долю которых приходится около 70% совокупного фондирования)». При этом было заявлено, что «депозиты служат надежным и стабильным источником фондирования для российских банков»¹¹. Данные замечания достаточно справедливы, так как клиентские средства традиционно выступали основой фондирования банковского сектора, в среднем составляя не менее 65% совокупных пассивов.

В свою очередь, отечественные рейтинговые агентства достаточно редко дают оценку текущей или про-

гнозной позиции по ликвидности, а также структуре фондирования банковского сектора, ограничиваясь краткими замечаниями или комментариями.

Ликвидность банковского сектора на всем анализируемом горизонте можно охарактеризовать как удовлетворительную ввиду сохранения оптимального объема высоколиквидных активов на покрытие оптового фондирования (несмотря на легкую волатильность данного показателя, средний уровень покрытия составляет 106% (табл. 2).

Вместе с тем необходимо отметить устойчивую тенденцию к снижению доли высоколиквидных активов на фоне роста концентрации на привлеченных средствах клиентов, которые выступают наиболее стабильными источниками фондирования. Это является малоактивным фактором риска банковского сектора на фоне общего снижения процентных ставок (рис. 2). Так, в 2020 г. на фоне постоянного снижения ключевой ставки, а следовательно, снижения доходности банковских депозитов был зафиксирован переток с депозитных счетов физических лиц на текущие счета (по итогам 2020 г. приток на текущие счета составил 4,1 трлн руб. против оттока с депозитных счетов в размере 1,7 трлн руб.), который существенно скорректировал внутреннюю структуру средств физических лиц (табл. 2).

Следует ожидать, что в 2021 г. из-за роста ключевой ставки банки будут корректировать доходность депозитов в сторону увеличения, что, в свою очередь, приведет к росту базы срочных депозитов [7]. К сожалению, статистика по состоянию на конец апреля 2021 г. свидетельствует о сохранении тенденции

¹¹ S&P по-прежнему относит банковский сектор РФ к группе 8 по уровню BICRA. URL: <http://www.finmarket.ru/news/5088453>.

Таблица 1 / Table 1

**Оценка буфера абсорбции потенциальных убытков банковского сектора /
Assessment of the absorption buffer for potential losses of the banking sector**

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Капитал (собственные средства), млрд руб.	7928	9009	9387	9397	10 269	10 981	11 413
Минимальное значение Н1.0 на дату, %	10,0%	10,0%	8,0%	8,0%	8,0%	8,0%	8,0%
Требуемый капитал для соблюдения минимальных нормативов	6607	6930	5777	6265	6734	7124	7324
Буфер капитала, млрд руб.	1321	2079	3610	3132	3535	3857	4090
Запас капитала по отношению к совокупному кредитному портфелю до вычета резервов	3,9%	6,2%	10,4%	8,2%	8,0%	7,8%	7,4%

Источник / Source: данные Банка России, составлено авторами / Data of the Bank of Russia, compiled by the authors.

к росту средств на текущих счетах (за 4 месяца 2021 г. средства на счетах физических лиц выросли на 7%, или 840 млрд руб.) и сокращению депозитной базы (за 4 месяца 2021 г. объем срочных вкладов физических лиц сократился на 3%, или на 732 млрд руб.).

Одной из особенностей фондирования сектора в 2020 г. стал окончательный возврат к устойчивому дефициту ликвидности на фоне роста кредитования экономики против профицита в 2017 г. При этом прогнозы банковского сектора до 2020 г. предполагали, что в последующие периоды он сохранит профицит ликвидности и останется нетто-кредитором Банка России¹².

Дополнительно отметим абсолютно уникальную ситуацию для российского банковского сектора с точки зрения валютной ликвидности. С ноября 2020 г. по апрель 2021 г. (т.е. за 6 месяцев) в банковском секторе образовался дефицит валютной ликвидности с точки зрения соотношения валютных активов и пассивов. При этом данная ситуация из месяца в месяц ухудшается (в ноябре 2020 г. дефицит составлял 98 млрд руб., а в апреле — уже 1 119 млрд руб., или 9,8% собственного капитала банковского сектора).

Таким образом, следует обратить внимание на ряд следующих факторов, которые, по итогам 2021 г., могут привести к ухудшению финансового положения банков и устойчивости банковской системы:

- постепенное вызревание проблемных кредитов на фоне снижения темпов роста кредитования. Так, по итогам 2020 г. и первого полугодия 2021 г., темпы прироста просроченных кредитов совпадают или даже опережают темпы прироста кредитного портфеля;

- на фоне очередного роста процентных ставок и падения доходов населения рост кредитного портфеля будет поддерживаться только за счет государственных программ;

- растет дисбаланс валютных активов и пассивов, который к концу I кв. 2021 г. достиг 9,8% собственного капитала банковской системы, что может привести к убыткам в результате отрицательной валютной переоценки;

- несмотря на ожидания роста депозитной базы по мере роста ключевой ставки наблюдается увеличение средств на текущих счетах физических лиц, что повышает риски «набега вкладчиков» на банки в условиях экономического стресса.

Несмотря на макроэкономическую волатильность (в частности, события 2020–2021 гг.), банковский сектор демонстрирует неоднородные и иногда противоречивые показатели, но, вместе с тем, на конец 2020 г. финансовое положение российского банковского сектора можно охарактеризовать как устойчивое.

Банковский сектор на начало 2021 г. обладал хорошим запасом собственного капитала, позволяющего абсорбировать полное обесценение в размере до 4 трлн руб., или 4,6% активов. Качество активов — на приемлемом уровне, доля просроченных кредитов в кредитном портфеле составляет 6,5%, позиция по фондированию и ликвидности — адекватная.

¹² Российский банковский сектор: прогноз до 2020 года. Слабый спрос на кредиты стимулирует аппетит российских банков к риску. URL: <https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/850/61eqni56jhoomg03tpjv4l7gqrv2uqv.pdf>.

Таблица 2 / Table 2
Сводные показатели ликвидности и фондирования российского банковского сектора за период с 2008 по 2020 г. /
Aggregate indicators of liquidity and funding of the Russian banking sector for the period from 2008 to 2020

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля ВЛА* в активах	28,4%	22,8%	22,6%	27,9%	22,0%	17,6%	16,4%	13,8%	13,0%	14,0%	13,8%	13,8%	13,1%
Покрытие оптового фондирования** ВЛА	113,9%	134,6%	115,5%	136,6%	116,3%	108,5%	90,9%	102,5%	92,1%	88,8%	90,8%	106,9%	92,5%
Валютный гэл между активами и пассивами, млрд руб.	1077	692	454	733	66	518	789	1 183	993	421	288	-32	-622
Средства в Банке России, млрд руб.	297	687	821	770	887	1 021	1 739	923	1 267	2 845	2 476	1 645	1 934
Кредиты от Банка России, млрд руб.	3370	1 423	326	1 212	2 691	4 439	9 287	5 363	2 726	2 016	2 607	2 451	3 598
Нетто-позиция по привлечению регуляторного фондирования, млрд руб.	- 3073	- 737	495	- 442	- 1 804	- 3 418	- 7 549	- 4 440	- 1 459	828	- 132	- 807	- 1 664
Диверсификация пассивов (НН)***	0,20	0,23	0,25	0,25	0,23	0,23	0,21	0,25	0,25	0,26	0,27	0,27	0,26
Доля текущих счетов ЮЛ	41,8%	41,6%	44,8%	39,1%	37,4%	37,7%	30,6%	32,1%	34,9%	33,7%	31,1%	31,8%	35,9%
Доля депозитов ЮЛ	58,2%	58,4%	55,2%	60,9%	62,6%	62,3%	69,4%	67,9%	65,1%	66,3%	68,9%	68,2%	64,1%
Доля текущих счетов ФЛ	14,3%	14,3%	15,5%	17,2%	17,2%	17,2%	15,9%	15,3%	16,9%	19,6%	22,3%	24,8%	35,4%
Доля депозитов ФЛ	85,7%	85,7%	84,5%	82,8%	82,8%	82,8%	84,1%	84,7%	83,1%	80,4%	77,7%	75,2%	64,6%

Источник / Source: данные Банка России, составлено авторами / Data of the Bank of Russia, compiled by the authors.

Примечание / Notes: * – высоколиквидные активы определены как сумма по статьям «Денежные средства и их эквиваленты», «Средства в Банке России», «Кредиты банкам» и «Ценные бумаги»; ** – оптовое фондирование определяется как сумма по статьям «Средства банков» и «Выпущенные долговые ценные бумаги»; *** – индекс Херфиндаля-Хиршмана рассчитан на следующей группировке статей пассивов: «Кредиты от Банка России», «Средства банков», «Средства юридических лиц», «Средства физических лиц», «Прочие средства клиентов», «Счета эскроу по договорам долевого участия», «Выпущенные долговые ценные бумаги», «Обязательства по производным финансовым инструментам», по которым ожидается уменьшение экономических выгод, «Прочие обязательства» и «Балансовый капитал» / * – highly liquid assets are defined as the amount under the items "Cash and cash equivalents", "Funds with the Bank of Russia", "Loans to banks" and "Securities"; ** – wholesale funding is defined as the amount under "Due to banks" and "Debt securities issued"; *** – the Herfindahl-Hirschman Index is calculated for the following grouping of liabilities: "Loans from the Bank of Russia", "Due to banks", "Funds of legal entities", "Funds of individuals", "Other customer funds", "Escrow accounts under Participation", "Debt securities issued", "Liabilities on derivative financial instruments for which economic benefits are expected to decrease", "Other liabilities" and "Balance sheet capital".

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова М.А., Дубова С.Е., Захарова О.В., Ершов М.В., Лаврушин О.И. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов: мнение экспертов Финансового Университета. *Экономика. Налоги. Право*. 2019;12(1):6–19. DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–1–6–19
2. Шохин А.Н., Акиндинова Н.В., Астров В.Ю., Гурвич Е.Т., Замулин О.А., Клепач А.Н., Мау В.А., Орлова Н.В. Макроэкономические эффекты пандемии и перспективы восстановления экономики (По материалам круглого стола в рамках XXII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ). *Вопросы экономики*. 2021;(7):5–30. DOI: 10.32609/0042–8736–2021–7–5–30
3. Эскиндаров М.А., Масленников В.В. и др. Новые траектории развития финансового сектора России. М.: Когито-Центр; 2019. 365 с.
4. Gunning G., Volland E., Birry A. Global banking country outlook midyear 2021: Tantalizing signs of stability. S&P Global Ratings. 2021. URL: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research-insights/special-reports/global-banking-country-outlook-midyear-2021>
5. Ларионова И.В. О приведении банковского регулирования в соответствие со стандартами базельского комитета по банковскому надзору (Базель III) в условиях нестабильной экономической ситуации. М.: КНОРУС; 2018. 190 с.
6. Ikeda Y., Kerry W., Lewrick U., Schmieder C. Covid-19 and bank resilience: Where do we stand? BIS Bulletin. 2021;(44). URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull44.pdf>
7. Доронкин М., Лопатин Е. Назад в будущее: Рост ставок и замедление кредитования — ключевые тренды 2021 года в банковском секторе. НКР. 24.03.2021. URL: https://ratings.ru/files/research/banks/NCR_BanksOutlook_Mar2021.pdf
8. Носова И., Пивень В., Чурилов А. Банковская система устойчива, но вопросы остаются. Российский банковский сектор: прогноз до 2022 года. АКРА. 08.12.2020. URL: <https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/0df/9jwpdah2bd0vfdewhnb8f57xrnr7bf1.pdf>
9. Соколов Ю. МСФО 9: Трудности перехода: К чему должны быть готовы составители международной отчетности в 2018 году. Банковское обозрение: финансовая сфера. 16.03.2018. URL: <https://bosfera.ru/bo/msfo-9-trudnosti-perehoda>

REFERENCES

1. Abramova M.A., Dubova S.E., Zakharova O.V., Ershov M.V., Lavrushin O.I. On the guidelines for the single state monetary policy for 2019 and the period of 2020 to 2021: Expert opinion of Financial University. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2019;12(1):6–19. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–1–6–19
2. Shokhin A. N., Akindinova N. V., Astrov V. Yu., Gurvich E. T., Zamulin O. A., Klepach A. N., Mau V. A., Orlova N.V. Macroeconomic effects of the pandemic and prospects for economic recovery (Proceedings of the round table discussion at the XXII April International Academic Conference on Economic and Social Development). *Voprosy ekonomiki*. 2021;(7):5–30. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2021–7–5–30
3. Eskindarov M.A., Maslennikov V.V. et al. New trajectories for the development of the Russian financial sector. Moscow: Cogito-Center; 2019. 365 p. (In Russ.).
4. Gunning G., Volland E., Birry A. Global banking country outlook midyear 2021: Tantalizing signs of stability. S&P Global Ratings. 2021. URL: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research-insights/special-reports/global-banking-country-outlook-midyear-2021>
5. Larionova I. V. On bringing banking regulation in line with the standards of the Basel Committee on Banking Supervision (Basel III) in an unstable economic situation. Moscow: KNORUS; 2018. 190 p. (In Russ.).
6. Ikeda Y., Kerry W., Lewrick U., Schmieder C. Covid-19 and bank resilience: Where do we stand? BIS Bulletin. 2021;(44). URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull44.pdf>
7. Doronkin M., Lopatin E. Back to the future: Rising rates and slowing lending are key trends in 2021 in the banking sector. NCR. Mar. 24, 2021. URL: https://ratings.ru/files/research/banks/NCR_BanksOutlook_Mar2021.pdf (In Russ.).

8. Nosova I., Piven' V., Churilov A. The banking system is stable, but questions remain. Russian banking sector: Forecast up to 2022. Analytical Credit Rating Agency. Dec. 08, 2020. URL: <https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/0df/9jwpdah2bd0vfdehwnb8f57xrnr7bf1.pdf> (In Russ.).
9. Sokolov Yu. IFRS 9: Challenges of transition: What international preparers should be prepared for in 2018. Banking review: Financial sphere. Mar. 16, 2018. URL: <https://bosfera.ru/bo/msfo-9-trudnosti-perehoda> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Иван Иванович Беляев — доктор технических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории Института экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет, Москва, Россия

Ivan I. Belyaev — Dr. Sci. (Technical Sciences), Professor, Head of the Scientific Research Laboratory of Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University, Moscow, Russia
IVIBelyaev@fa.ru

Сергей Николаевич Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет, Москва, Россия

Sergey N Silvestrov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Institute for Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University, Moscow, Russia
silvestrsn@gmail.com

Турал Сохбат оглы Гаибов — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Института экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет, Москва, Россия

Tural S. Gaibov — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher of Scientific Research Laboratory of Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University, Moscow, Russia
tural-5@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Беляев И.И. — разработка общей концепции статьи.

Сильвестров С.Н. — общее руководство написанием статьи, формулировка выводов.

Гаибов Т.С. — сбор аналитического материала и определение логики исследования; проведение оценки устойчивости банковского сектора на основе данных консолидированной отчетности МСФО банков; анализ регулирования и внедрения стандартов БКБН в российскую банковскую практику; анализ и обобщение полученных результатов.

Authors' declared contributions:

Belyaev I.I. — development of the general concept of the article.

Silvestrov S.N. — general guidance on writing an article, formulation of conclusions.

Gaibov T.S. — collection of analytical material and definition of the logic of research; assessing the stability of the banking sector based on the consolidated financial statements of IFRS banks; analysis of regulation and implementation of BCBS standards in Russian banking practice; analysis and generalization of the results obtained.

Статья поступила 30.06.2021; после рецензирования 15.07.2021; принята к публикации 10.08.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 30.06.2021; revised on 15.07.2021 and accepted for publication on 10.08.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.